

А.Н. Паикуров
A.N. Pashkurov

ТАЙНОПИСЬ В РУССКОЙ МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

CRYPTOCRACY IN RUSSIAN MASONIC POETRY OF THE 18TH CENTURY

Масонство в русской литературной культуре XVIII века становится постепенно очень значимым фактором. Наряду с журналами и прозой, главные силы концентрируются в русской масонской поэзии, представленной такими именами, как: М. Херасков, В. Майков, П. Икозов, Ф. Ключарев и ряд других. Велико значение философских трактатов масонов, в них анализируются проблемы духовной жизни человечества в контексте общих законов мироздания. В настоящей статье рассматриваются ведущие архетипические подтексты русской философской поэзии последней трети XVIII – начала XIX столетий, на материале феноменологии масонской поэзии. Центральным исследуемым симвоолообразом выступает образ Добродетели. Для создания полной картины, привлекаются данные из истории мировой и отечественной философской мысли. Одной из приоритетных установок становится вопрос о влияниях масонской поэзии, с одной стороны, на генезис и эволюция сентиментализма, с другой стороны, – на эволюцию предромантической поэтики. Творчество ведущих поэтов масонского круга рассматривается с выявлением ведущих архетипов их нравственно-философской программы. Ведущими уровнями программы выступают следующие: а) обретение человеком «сердечного света»; б) наполненность Любовью к людям и Верой; в) осознание Бога в себе и, соответственно, своего сердца как Престола Бога; г) погружение в милосердие и любовь Бога, а через это – осознание «света Истины»; д) «подражание Истине» как школа поиска Добродетели; е) полет Души и бессмертного Духа к Божеству. В диалектике мироздания, представляющем напряженное энергетическое поле между Светом и Тьмой, именно феномену Добродетели уготована ведущая примиряющая гармонизирующая срединная роль. Тексты цитируются в том числе по ведущим оригинальным масонским изданиям последней трети XVIII – начала XIX веков, при необходимости привлекаются данные и весьма обширной переводческой деятельности русских писателей-масонов.

Ключевые слова: *русская литературная культура последней трети XVIII века; философско-эстетическая мысль; масонская поэзия; тайнопись; культ Добродетели.*

Freemasonry gradually becomes a very significant factor in Russian literary culture of the 18th century. Along with magazines and prose, the main forces are concentrated in Russian Masonic poetry, represented by such names as: M. Kheraskov, V. Maikov, P. Iksosov, F. Klyucharev and a number of others. The philosophical treatises of the Masons are of great importance; they analyze the

problems of the spiritual life of humanity in the context of the general laws of the universe. This article deals with basic archetypical implications of Russian philosophical poetry of the last third of the XVIII-th and the beginning of the XIX-th centuries based on material of the Masonic poetry phenomenology. The central symbol-image under study is the image of Virtue. To create complete picture, the history data of the world and national philosophical thought are involved. The issue of the Masonic poetry effects on the genesis and evolution of sentimentalism, on the one hand, and on the evolution of Pre-Romantic poetics, on the other hand, becomes one of the priority goals. The creative work of leading poets of the Masonic circle is studied with revealing of basic archetypes of the irthoral and philosophical program. The key levels of the program are as follows: a) acquisition of "the heart light" by a human being; b) fullness with Love to people and Faith; c) consciousness of God in oneself, and of one's heart as The Throne of God, correspondingly; d) immersion in God's mercy and love, and through it – consciousness of "the light of Truth"; e) "imitation of Truth" a school of Virtue search; f) flight of Soul and immortal Spirit to the Deity. It is for the phenomenon of Virtue, that a leading reconcil in gharmonizing medial role is in store in dialectics of the universe representing an intense energy field between Light and Darkness. The texts from basic original Masonic editions of the last third of the XVIII-th and the beginning of the XIX-th centuries are cited as well, also data on broad enough translation activities of Russian Masonic writers, if considered necessary, are used.

Key words: Russian literary culture of the last third of the XVIII-th century; philosophical and aesthetic thought; Masonic poetry; cryptography; the cult of Virtue.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-33-39

На феномене русской масонской поэзии XVIII века сходятся сразу несколько «уровней» «тайных шифров».

Во-первых, сама поэзия в литературной культуре России первого века Нового времени представляет собой зачастую сложную систему многозначной и многослойной тайнописи: от этапов становления ее языка и стиля – и завершая символикой архетипов. Все это демонстрируют нам еще произведения порубежья конца XVII – первых десятилетий XVIII столетий, исполненные в синтезе традиций барокко и предклассицизма.

Во-вторых, входящее после реформ и иных проектов Петра Великого в словесность масонство также все уверенней и обширней распространяет свои «тайные знаки» – и прежде всего, безусловно, именно в лидирующем поэтическом роде.

В-третьих, на пересечении двух выше означенных векторов влияния, складывается и расцветает собственно сама масонская лирическая «тайнопись». Именно она во многом становится неким «потаенным кормчим» практически всей литературной культуры России, особенно – к периоду последней трети XVIII века.

Остановимся на центральнойшем явлении – философии Добродетели, представляющей центр как собственно масонской Тайны, так и нравственно-эстетических исканий отечественных писателей-идеологов. Добродетель, пользуясь образным определением из поэтической онтологии виднейшего лирика-масона М.М. Хераскова, – «внутреннее зеркало» феноменологии русской поэзии этой эпохи.

Идеал «добродетельности» в неразрывной связи с феноменологией Прекрасного, был глубоко усвоен русской словесностью Нового времени уже с первых шагов классицизма, причем в синтезе зазвучали здесь как возрожденные традиции античного мирозерцания (ср. известнейший, почитаемый и в античности и, позже, в русском сентиментализме, идеал калокагатии), так и новые законы европейского Просветительства (особенно – каноны английской «моральной философии», вспомним ключевую фигуру Дж. Локка). Но с представлениями о «возвышении Духа» и духовного преобразования мира через

внутреннюю энергию человечества в философии эстетики сплав идеологии добродетельности произошел позже: в эпоху интенсификации контактов с новейшей литературой и философией Германии (от Зюльцера – Эшенбурга – Геллерта – к Канту) и, что первостепенно важно, – в самой «переходной» литературе последней четверти XVIII – начала XIX вв., ознаменованной в первую очередь диалогом взаимопроникающих сентиментализма и предромантизма.

Не случайно Н.М. Карамзин в программной статье «Что нужно автору» прямо указывает на то, что мыслящему писателю непреложно необходимо прежде всего «... *возвыситься* до страсти к добру, питать в себе святое, *никакими сферами не ограниченное* желание всеобщего блага...» [6, 301] (*курсив мой – А.П.*) (кстати, далеко не маловажное обстоятельство: этот знаменитейший писатель также на заре своего славного литературного пути испытал учительское влияние масонства..!)

* * *

Начиная еще с Платона, внутренняя добродетель человека понималась как единственный путь его возвышения, поступенчатого восхождения по «лестнице» постижения мира [9, 411–475].

Эпоха европейского раннего Просвещения возвращается именно к платоновской теории – так, будущий наставник и кумир русских сентименталистов, Э. Шефтсбери, создает свое «Исследование о добродетели и достоинстве». Одно из наиболее заметных русских масонско-сентименталистских изданий последней четверти XVIII века, «Утренний свет» Н.И. Новикова, вновь «подхватывает» освященную временем традицию: «Добродетель есть красота человека, творения *возвышенного* над бездушным и зверским миром ...» [15, 35] (*курсив мой – А.П.*). Почти тождественная идея, как замечает Н.Д. Кочеткова, была неотъемлемой «частью» и собственно канонов русского масонства, в частности, в кружке И.Г. Шварца, считавшего, что «добродетельные знания» «... *делают* его <человека – А.П.> лучшим и *с возвышенными* и очищенными *чувствами*» [7, 125] (*курсив мой – А.П.*).

Интересно при этом, что еще один из лидеров древнерусской литературной культуры ее завершающего периода, Симеон Полоцкий, прямо ориентировал свою мистерию «Вертоград многоцветный» (1676–1680) на «статус» высокой «бог вдохновленной» словесности, стремился доказать, что «... *добродетель* человека прославляет, для того, что она сама *бессмертна*» [13, 186]. Итоговая же цель, долг Поэта – «... *возвысить* человека, приблизить его к *постижению духовных* и моральных *истин*», понимая в целом – «... Поэт – это великий моралист. Просвещая и воспитывая людей, он *«апостольствует»*» [13, 187] (*курсивы мои – А.П.*).

В XVIII столетии, и все уверенней – в приближении к интересующему нас здесь «масонскому пласту» – растет влияние и философско-эстетической мысли Германии, в т.ч. – так наз. предклассического периода философии.

Так, И.-Г. Зюльцер в «Общей теории изящных искусств ...» (1771) поместил такие примечательные суждения: «... <при постижении мира и его тайн – А.П.> возвышаются дух и сердце, душа получает как бы высокий импульс» [17, 98].

Столь же велика роль и другого учителя русских писателей в «возвышенной Добродетели» – «добросердечного Геллерта». В «Московском ежемесячном издании» за 1781 год (Ч. II) издатели поместили показательную речь Х.-Ф. Геллерта «О действии наук над сердцем и нравом человеческим» в переложении видного масона – И.П. Тургенева.

По убеждению Геллерта, внутреннюю Добродетель человеку должно непрестанно в себе «... *возвышать упражнением*» [14, 3], чтобы на высшей ступени, дойдя до преклонения перед Богом – творцом Бытия, признать все человечество, «... людей вообще [...] членами единого величайшего семейства божиего...» [14, 12].

Ярко ощутимая религиозная акцентированность дидактики Геллерта привлекла к его сочинениям самое пристальное внимание и «борцов за новую религию» – масонов². К примеру, Ф. Краснопевков переводит лирическое рассуждение немецкого философа «Христианин» («Утренний свет», 1779, Ч. VII), а И.П. Тургенев – еще и «Примечания на священное писание, выбранное из Геллерта» («Московское ежемесячное издание», 1781, Ч. III, № 10).

Наследует и во многом завершает эту традицию легендарный Иммануил Кант. В его «Критике способности суждения» (1790) кульминации достигает концепция, согласно которой «... пройдя через купель нравственности, обретает для человека безграничные духовные потенции» [Гулыга 1994: 27] (*курсив – мой: А.П.*).

В литературно-философском исполнении тайнопись Добродетели обретает новое звучание в близкой по духу уже и складывающемуся романтизму школе Эдварда Юнга и других «поэтов ночной меланхолии и скорби». Юнговские «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745) с 1778 года в «Утреннем свете» регулярно переводит лидер масонства А. Кутузов, и он же, уже в 1785 году, выпускает отдельным изданием «Плачь Эдуарда Юнга ...». А.Н. Пыпин в этой связи, обобщая суждения в том числе и немецких исследователей, счел возможным говорить и о своеобразном «мистически сентиментальном лунатизме» масонов [12, 43].

Масонов интересовал в первую очередь моральный аспект поэтики юнгианства, в том числе и прежде всего – идеология духовного Бессмертия.

Еще на заре русского сентиментализма тема бессмертия души как одна из непреложных основ нравственного мировоззрения писателя утверждается в своих правах у соратника М.М. Хераскова, поэта, также вступившего в масонство, В.И. Майкова. Творчески наследуя и развивая широко распространенное в масонских кругах учение И.Г. Шварца (1751–1784), и частью – его ученика В. Золотницкого (ср. трактат «Доказательство бессмертия души человеческой ...» СПб., 1780), Майков во многом средоточием и философским ключом своей поэтической системы делает «... метафору света, как надежды или спасения, даруемого Богом» [8, 183].

* * *

Наряду с «общественной», направленной «вовне» стороной (миф о Золотом веке Астреи), масонская поэтика имеет и свою «внутреннюю сферу». Эта область, и связанная в конечном итоге с идеей Добродетели, выводит нас на учение масонов о перво-человеке Адаме Кадмоне, о борьбе Света и Тьмы в мироздании и, наконец, о духовном самосовершенствовании как пути преодоления подобного трагического кризиса.

При устойчивом постулировании господства сил Тьмы в современном мире, апокалиптических мотивов греховности и падения, масоны, однако, генеральное свое внимание стремились перенести на пути преодоления всего этого, главным из которых для них оказывается Свет. Говоря словами обрядности «вольных каменщиков», «... внутри него <человека – А.П.> есть некая искра нетленная, придерживающая тому Великому [...] Существо, которое есть источник жизни и нетления, которым содержится Вселенная» [11, 107]. В итоге закономерно возникает важнейшая демаркационная граница: как отмечал высоко чтимый масонами эсхатологический философ XVII столетия Дж. Пордедж (Иоанн Пордеч) (1607–1681), пролегает она между «внутренним» и «внешним» человеком, а это, в свою очередь, совпадает с той чертой, которая разделяет «сей мир» и «Вечность».

Вновьобретение утраченного Эдема, возвращение в «храм Природы и Милосердия» возможно, согласно верованиям масонов, исключительно путем «возвышения через Добродетель» (ср. изыски русских теоретиков масонства: «Добродетельная душа, или Нравоучительные правила в пользу и научение юношества ...» (1777) А.А. Артемьева; «О

² Показателен взгляд германских исследователей на «диалог» геллертианства» и философских воззрений масонов новиковского окружения [16, 44–57]

добронравии» (1782) С.И. Гамалеи; «О добродетелях» (между 1789 и 1791 гг.) В.М. Милонова; «Начальная дверь к христианскому добронравию ...» (1805) – интерпретация А.Ф. Лабзиным учения Г.С. Сковороды, и ряд других примеров).

Система «восхождения» выстраивается очень стройная. Над «царством Тьмы», юдолью падших духов и «злых человеков», располагаются как бы три ореола Света: «чувственный», «духовный» и «не созданный Божественный», «Двигателем» все системы, определяющим направление вектора Бытия, оказывается иерархия Духов: от «нижнего ранга» управителей воздуха, земли и воды – ко второму «классу» «верхнего яруса»: «духам звездным» (огня)³ – и, наконец, к царству первого «класса»: духам «чисто ангельским» [1, 205].

Для человека в этом «окружении» первая ступень Высшей Цели – «возвращение внутрь сердца нашего» (по терминологии видного масона Захара Карнеева [1, 201]). Второй ступенью непреложно следует осознание того, что «... *возвышая* и познавая *себя*, человек познает и *возвышает всю натуру*» [1, 209] (*курсив мой – А.П.*). В последнем моменте весьма примечательно актуализируется представление о Гармонии, не случайной в масонской среде был известен и любим трактат Ф. Видал-Комнена (ум. 1670) «Гармония мира» (в переводе И.С. Гагарина (кон. XVIII века) это звучало как: «Согласие мира»).

В мире, осознаваемом как единство противоположностей Света и Тьмы (ср. речь Ф.П. Ключарева – «Целое масонство есть учение о мрачности и свете» (1783)), Добродетель понимается как универсальное срединное звено между Божественным началом и Смертью. В итоге, душе человека, как учил один из западных предтеч русских «вольных каменщиков» Гуго де Бальма (конец XIII – начало XIV вв.), необходимо пройти по возрастающей три пути: Очищения, Просвещения и собственно Соединения (слияния с божественной сущностью). Осуществить это возможно исключительно посредством «добронравия» (С. Гамалея), «веры, надежды и любви» (З. Карнеев), «терпения» (И. Карнеев), созидания «внутренней церкви» (Ив. Лопухин).

Усиление акцента на «полюсе Смерти» в русской литературе, с 70–80-х годов XVIII столетия, приводит к очевидному нарастанию «мотивов катастрофичности», подчас даже – «картин тотального космического разрушения» [11, 101]. Круг охвата подобной идеологией творчества различных авторов широк, а ведущими магистральными линиями по праву должно признать модели С.С. Боброва и Г.Р. Державина.

При этом, что интересно, феноменология Бога, напротив, выполнена масонскими учениями в гораздо более светлой и эмотивно-чувствительной тональности (ср. трактат Ив. Карнеева «О истинном свете, который есть Христос» (1790)). «Отец богов! в тебе все твари признают / И бесконечную и сильну добродетель ...» – постулировал еще в 1772 году в альманахе «Вечера» «Гимн Клеанфа Греческого стихотворца и стойка, жившаго за триста лет до Р.Х.» [2, 41]. В стансах «Всегда ли тленной красотою ...», в том же издании, поэтика Возвышенного Божественного получила еще более определенное *почти-сентименталистское* завершение: «А нам сокровище негленно, / Нам щастье общее дано; / ... / В сердцах у нас лежит оно... » [3, 206].

Яркую панораму близких чувствительности сентиментализма представлений о Божественной Добродетели дает такое известнейшее масонское издание Н.И. Новикова, как «Вечерняя заря»⁴:

³ Заметим, что в поэтической картине переплетающихся на рубеже столетий позднего классицизма и рождающегося романтизма, символа Огня – один из самых постоянных (ср. фактически всю поэтофизику С.С. Боброва, «Солнце неподвижно между планетами» (1798) И.П. Пнина, «Огонь» (1811) М.А. Дмитриева-Мамонова и т.п.).

⁴ Необходимые курсивы в последующей таблице мои – А.П.

**Возвышенное Божественное в русской масонской поэзии
(на материале публикаций журнала «Вечерняя заря»)**

<i>Автор, произведение</i>	<i>Ключевая формула</i>	<i>Тематическое содержание (поясняющий комментарий)</i>
П.Икоsov «Глас Божий к человеку»	«Вселенной поле зри широко, / Где мудрость с силой я явил [...]. Не ясно ли оттоле зрится, / Что сам в тебе Вселенной Царь» [4, 43]	Божественное Возвышенное через проблему «внутренней церкви», углубление в себя и в само-познание
Ф.Ключарев «Песнь Всемогущему»	«Ты море без конца, я зрю и изумляюсь, / И в милосердие Твое весь погружаюсь...» [4, 77] «Ты верен, благ, всещедр, любовию сияя!» [4, 80]	Темы Милосердия и Любви

Для идеологии масонства первостепенно важна в аспекте следующая «цепь превращений»:

- а) обретение человеком «сердечного света»;
- б) наполненность Любовью к людям (ср. из «Вечеров»: «Любите ближних, человеки...» [3, 206] или в «Вечерней заре»: «чувствование всеобщей любви к людям» [4, 112]) и Верой;
- в) осознание Бога в себе и, соответственно, своего сердца как Престола Бога;
- г) погружение в милосердие и любовь Бога, а через это – осознание «света Истины»;
- д) «подражание Истине» как школа поиска Добродетели;
- е) «полет душевных крил» бессмертного духа к Божеству.

Говоря о сентименталистских акцентах в феноменологии масонского Возвышенного нельзя обойти вниманием и «законодательный» альманах «Магазин свободно-каменьщической» (1784).

Определяющие мотивы поэтики Возвышенного Добродетели разворачиваются здесь в такой картине⁵:

**Поэтика Возвышенного Добродетели
(на примере публикаций масонского альманаха
«Магазин свободно-каменьщической»)**

<i>Поэтика Богоосвященного Света [10]</i>	<i>Культ сердца [10]</i>	<i>Добродетель как «храм Вечности» [10]</i>
1) «... И свет умножится чрез свет» («Ликуйте, братья, пусть свершая...» [10, 127])	1) «Возвысим в нас сердечный глас» («В усердном пенье поздравляем...» [10, 128])	1) «Блаженством исполненна вечная сень...» («Здесь в собраньи...» [10, 131])
2) «Истинны рукою / Ведомы к покою, / Зрим лучезарный троякий свет» («Здесь в собраньи Братия почтенны...» [10, 130])	2) «Превыше всех земных корон / Ты царствие сердечно!» («Пред закрытием столовой...» [10, 137])	2) «Оставя тленность мира, / [...] / Проникнешь до эфира / Зреть стройность, красоту» («Новопринятому брату» [10, 132]) 3) «Святая добродетель / В тебе устроит храм. / Ты будешь ей свидетель / И брат ее сынам» (то же [10, 133])

⁵ Необходимые выделения в цитируемых фрагментах сделаны мной: А.П.

Бесспорно, что определяющее русло системе «задает» философия Православия, которую и стремились «переконструировать» масоны, сплавив ее с целым рядом других культуруфилософских явлений (к примеру, с древней каббалистикой, средневековым мистицизмом, новоевропейскими научными концепциями, типа немецкого пиетизма конца XVII столетия или учения Л.-К. Сен-Мартена). Важен здесь тот факт, что как раз масонство во многом служило своеобразным «передаточным звеном» между многовекторнейшей мировой философско-эстетической мыслью и художественной философией сентиментализма.

1. Вернадский Г.В. *Русское масонство в царствование Екатерины Второй* / под ред. М.В. Рейзина, А.И. Серкова. СПб., 1999.
2. *Вечера*. 1772. 2-е изд. М., 1788. Ч. I.
3. *Вечера*. СПб., 1772. Ч. II.
4. *Вечерняя заря*. 1782. Ч. III.
5. Гулыга А.В. *Эстетика Канта* // Кант И. *Критика способности суждения*. М., 1994. С. 9–35.
6. Карамзин Н.М. *Что нужно автору?* // *Русская литературная критика XVIII века*. М., 1978. С. 300–302.
7. Кочеткова Н.Д. *Литература русского сентиментализма*. СПб., 1994.
8. Кукушкина Е.Д. *Тема бессмертия души у В.И. Майкова* // *XVIII век*. СПб., 1999. Сб. 21. С. 177–184.
9. Лосев А.Ф. *Классическая калогатия и ее типы* // *Вопросы эстетики*. М., 1960. Вып. 3. С. 411–475.
10. *Магазин свободно-каменнической*: в 2 ч. М., 1784. Т. I. Ч. 2.
11. Николаев Н.И. *Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века*. Архангельск, 1997.
12. Пытин А.Н. *Масонство в России: XVIII и первая четверть XIX вв.* / ред., прим.: Г.В. Вернадский, С.С. Москаленко. М., 1997.
13. Сазонова Л.И. *Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII вв.)*. М., 1991.
14. *Статьи, избранные из нравоучения добродушного Геллерта, посвящаются всем, любящим веру и добродетели Христианские М...мь Т...мь*. СПб., 1820.
15. *Утренний свет*. 1778. Ч. 2.
16. Brang P. *A.M. Kutuzow als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (zum Problem der Atributierung anonymer Werke des XVIII Jhs.)* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1962. Bd. 30. P. 44–57.
17. Sulzer J-G. *Allgemeine Theorie der Schönen Künste in einzelnen, nach alphab. Ordnung der Künstwörter auf einander folgenden Artikeln ausgedruckt*. Leipzig, 1771. P. 97–114.